

ФОЛЬКЛОР И ЕГО ИССЛЕДОВАНИЯ: ВЕК ДВАДЦАТЫЙ

Аннотация: Подведены некоторые итоги развития фольклора и науки о фольклоре – фольклористики – к началу XXI века. Определены перспективы её дальнейшего развития. Автор рассматривает содержание понятия «фольклор», его разновидности, жанры с позиции современного исследователя. Намечены перспективы развития самого фольклора с точки зрения содержательных и формальных изменений, связанных со стремительным развитием информационной среды. Названы современные подходы к изучению фольклора.

Ключевые слова: городская культура, интернетлор, «непродуктивный жанр», постфольклор, «продуктивный жанр», сельский фольклор, «третья культура», урбанизация, устная традиция, фольклор, фольклористика, «фольклорная парадигма», фольклорный текст.

Минувший рубеж веков/тысячелетий побуждает к подведению итогов и к предположениям о перспективах во всех областях гуманитарного знания; в этом отношении наука о фольклоре – не исключение. Как это неоднократно бывало в истории культуры, общество придает повышенное значение символике чисел и склонно проводить границы там, где они округляются до десятков, сотен, тем более – тысяч, хотя, разумеется, сам по себе рубеж веков и тысячелетий никакого рационального значения не имеет (в других, неевропейских культурах в этом качестве могут выступать, скажем, 12, 60 лет и прочие временные периоды, которыми меряется человеческий возраст и век). В ближайшем от нас прошлом такое случилось на рубеже XIX–XX столетий, за которым ожидался либо конец света, либо наступление светлого царства будущего (иногда – и то, и другое: сначала первое, потом второе). Нечто подобное происходило у нас на глазах и в течение последних двух десятилетий. Реальные социально-политические и культурно-исторические перемены были символически увязаны с миллениаристской магией числа 2000, хотя, конечно, начались они раньше (кое в чем – значительно раньше) и не закончились по сей день. Наконец, надо отметить, что для самого фольклора и для науки о нем эти рубежи также не совпадают – вторые обнаруживают себя лет на двадцать позднее. Это естественно: на изменение культурной ситуации наука реагирует не сразу, его осознание отстает от реального процесса, так сказать, «по фазе» (и должно отставать – во избежание скоропалительных выводов).

Начнем с фольклора. Как свидетельствуют данные социологии, во второй половине XX века «классические» устные сельские традиции исчезают, и этот процесс особенно набирает силу вследствие стремительной урбанизации страны в 1970-е годы. За четверть века – с конца 1950-х до середины 1980-х – количество городских жителей увеличивается с 52% до 74%; пустеют деревни и маленькие городки, а за их счет быстро растут большие города; весьма заметно повышается и общий уровень грамотности населения [Народное хозяйство, 1987; Население, 1988].

Решительно изменяется ситуация в сфере культурных коммуникаций. В дописьменных обществах, как и в группах, территориально или социально остающихся на периферии письменных традиций, фольклор всегда является диалектным и локальным, практически не выходящим за пределы той или иной территории [Неклюдов, 2004, с. 15–22]. Передача устного текста связана исключительно с физическими возможностями носителя устной традиции. В традиционалистских сообществах люди, как правило, мало подвижны; соответственно, устные традиции лишь изредка выходят за их пределы. Конечно, при профессионализации сказительской деятельности появляются бродячие певцы, до известной степени расширяющие сферу распространения локального фольклора, однако их мобильность в конечном счете весьма ограничена (состоянием дорог, кошелька, здоровья), да и возможность его адекватного понимания уменьшается по мере удаления от своего региона. Дело обстоит несколько иначе у более подвижных кочевников, а также в условиях миграции более или менее значительных групп (переселений, колонизаций и т.д.), результатом чего является соприкосновение ранее разобщенных этнических традиций, а это может привести к интенсивному культурному взаимообмену и даже к возникновению смешанных, синтетических форм фольклора. Впрочем, условия для подобного смешения достаточно сложны и складываются далеко не всегда.

* Неклюдов Сергей Юрьевич – профессор Российского государственного гуманитарного университета, доктор филологических наук.

Первым средством «технической» коммуникации (которая противопоставлена «естественной», т.е. устной, непосредственно-контактной [Чистов, 1995]) является письменность. Она предлагает принципиально иной тип хранения, передачи и воспроизводства текстов культуры, когда становится нормальным хранение текста без его воспроизведения и без его передачи. Если устное произведение невозможно оторвать от его носителя, то теперь происходит отчуждение продукта языковой деятельности от субъекта этой деятельности. Книжность позволяет безгранично расширить пространственно-временные зоны коммуникации – можно, записав текст, перенести книгу куда угодно. Фольклорный текст переходит из устной традиции в книжную, а из книжной – в устную, иногда по несколько раз меняя место своего пребывания и даже пересекая при этом этноязыковые границы (см., например, сюжет о Рустаме / Еруслане [Пушкарев, 1980]). Именно это является определяющей чертой для фольклора «классического» – в отличие от архаического. Именно книга – через переписывания / переводы / переложения / пересказы – становится первым инструментом, как сказали бы сейчас, «глобализации» фольклорного сюжета, – инструментом, распространяющим его далеко за пределы породившей его локальной традиции.

Второй революцией в области культурных коммуникаций было изобретение записи звука и изображения – от дагерротипов и фонографов до современных цифровых технологий. Появление этих принципиально иных (по сравнению с письменностью) информационно-коммуникационных каналов имело важнейшее значение при новой смене «фольклорной парадигмы». Возникла возможность записи, хранения, трансляции живого звука и изображения, доступного и неграмотным, а не только письменного текста, прочтение которого требует хотя бы минимальной грамотности и допускает относительную свободу последующей исполнительской интерпретации. Если раньше городская культура попадала в деревню относительно узкими ручейками (через торгующих лубочной литературой офеней), то теперь она хлынула туда широкой рекой; поле воздействия граммофона, а затем и кинематографа быстро захватывает все более широкие слои населения, модифицируя, оттесняя на периферию, вообще стирая старые культурные традиции. Это радикально меняет прежнюю систему этических и эстетических ценностей, а также сами условия бытования сельского фольклора, почти не оставляя ему шансов на выживание. В результате все большее количество текстов и артефактов традиционной народной культуры отходит в разряд музейных экспонатов, памятников словесного и изобразительного искусства.

В первую очередь подобная судьба постигает эпические жанры (былины, исторические песни, скоморошины), то же происходит с народными сказками. Уходит из обихода протяжная песня (представляющая собой мало обновляемый «основной фонд» песенной традиции), на протяжении всего XX века она – прямо на глазах фольклористов – вытесняется городскими балладами и жестокими романсами. Речь, таким образом, идет о «непродуктивных» жанрах, уже не способных к новообразованиям, хотя до сравнительно недавнего времени и продолжающих свое полноценное существование. Все попытки искусственно превратить «непродуктивный» жанр в «продуктивный» (пресловутые «новины» на базе «старин», советские «плачи», «сказы» и «сказки» [Топорков и др., 2002, с. 432–887]) оказываются полностью несостоятельными – фольклорные традиции совершенно очевидно не подчиняются регулированию «сверху». Несколько большую жизнеспособность обнаруживают обряды, особенно переходные, связанные с жизненным циклом, и сопровождающий их обрядовый фольклор. Современные родины, свадьбы, похороны сохраняют некоторые контуры традиционных ритуалов, но наполняются большим количеством модернизирующих элементов. Полноценной жизнью продолжают жить магические обряды и соответствующие тексты (заговоры, заклинания и пр.), а также устные рассказы (былички, предания, легенды), отражающие те или иные поверья и религиозно-мифологические представления. Однако и они не избегают содержательных и формальных обновлений, подчас приводящих к довольно курьезным результатам.

Старая устная словесность стремительно вытесняется текстами «третьей культуры» – эта концепция была разработана более двадцати лет назад искусствоведом В.Н.Прокофьевым [1983]. Согласно его толкованию, «третья культура», наиболее яркие примеры которой относятся, в основном, к индустриальной эпохе (и к пореформенной России XIX–начала XX века), дистанцирована как от культуры «высокой», официально признанной, так и от «традиционно-фольклорной». Она включает в себя, с одной стороны, массовую культуру как таковую, производимую профессионалами «для сбыта», а с другой — собственно фольклор, который создается самими носителями «для потребления». Первоначально он возникает в городе, а затем распространяется за его пределы; в свое время мы предложили назвать этот тип низовых городских традиций «постфольклором» [Неклюдов, 1995, с. 4].

Постфольклор сильно отличается от предшествующих устных традиций — фольклора и патриархального крестьянства, и тем более — архаических обществ. С одной стороны, он идеологически маргинален, полицентричен и фрагментирован в соответствии с социальным, профессиональным, клановым, даже возрастным расслоением общества (вплоть до ряда «закрытых» групп, например, криминальных). С другой стороны, из явления локального и диалектного, каким был фольклор традиционный и архаический, он стремится стать общенациональным, а в некоторых формах — даже глобальным, будучи тесно связан с «надгрупповым» профессиональным, авторским искусством — прежде всего, относящимся к массовым традициям; как уже было сказано, его «питательной средой» является новая коммуникативная ситуация постиндустриальной эпохи. Наконец, постфольклор решительно меняет свой жанровый и текстовый ассортимент, насыщаясь новой, актуальной топикикой, сквозь которую, впрочем, проступают некоторые архетипические значения.

Таким образом, со стороны содержательной и формальной фольклор, начиная с рубежа XIX–XX вв., быстро изменяется, и этот процесс может лишь прогрессировать. «Технологически» он несомненно также будет модифицироваться под воздействием стремительно меняющейся информационной среды. Фольклористике же в своих исследованиях желательно не отставать от осмысления этого процесса.

Если теперь вернуться к науке о фольклоре, то, как это не странно звучит, одним из важных итогов российской фольклористики XX века является само возникновение той области знания, которую мы привычно именуем *фольклористикой* и которой в предыдущем столетии институционально, строго говоря, не существовало. Еще в конце прошлого века В.И.Ламанский [1890, с. XLI] имел основание писать: «Так называемый ф о л ь к л о р , ф о л ь к л о р и с т и к а с ее представителями ф о л ь к л о р и с т а м и , получили у нас полное право гражданства вслед за такими же новыми науками <...> социологию и учением эволюций»; обратим внимание на это выражение — «новыми науками». Однако в полной мере данная область знания определила специфику своего предмета, своих целей и своих методов даже позднее, когда вышла в свет широко известная статья П.Б.Богатырева и Р.О.Якобсона «Фольклор как особая форма творчества» (1929), с небывалой дотоле четкостью отделившая словесность устную от письменной, а тем самым окончательно выведшая ее «из-под юрисдикции» традиционного литературоведения [Богатырев, Якобсон, 1971].

Разумеется, в результате многолетних конкретных исследований и их теоретических обобщений фольклористика не только полностью легитимизировалась, но и выработала свои аналитические приемы, свой арсенал понятий и терминов. Что же касается своеобразия отечественной школы изучения традиционной повествовательной словесности, то оно обусловлено сочетанием генетического, стадийного, структурно-типологического аспектов анализа. «Поэтика и генезис былин» называет А.П.Скафтымов [1924] свою книгу о русском эпосе. «Ясно, что прежде, чем осветить вопрос, откуда сказка происходит, надо осветить вопрос, что она собой представляет», — объясняет В.Я.Пропп конечную направленность своего «морфологического» проекта (согласно которому «исследование не только морфологической, но и совершенно особой логической структуры сказки <...> подготовляло изучение сказки как мифа») [Пропп, 1928, с. 12, 7]. «Сравнительная типология фольклора: историческая и структурная» — обозначает это соотношение научных стратегий Е.М.Мелетинский [1973]. Однако к настоящему времени подобный пафос совмещения исторических и структурных исследований, диахронии и синхронии, похоже, утрачивает свою силу. Разочарование в эволюционистской парадигме, недоверие к диахроническому анализу (идушее еще от классического структурализма) приводит к тому, что наука о фольклоре опять проходит через искушение «младограмматической» интерпретации фольклорных текстов и предпочитает заниматься материалом в его «горизонтальном срезе», а не в исторической динамике; к тому же любые реконструкции устных традиций, истинность которых никогда и ничем не может быть подтверждена — дело не слишком надежное.

Надо иметь в виду, что размежевание предметного поля данной дисциплины в разных национальных научных традициях может сильно различаться [Чистов, 1995, с. 164–175]. Область, которая в отечественной науке называется *фольклором*, в западноевропейской науке попадает частично в этнографию, частично в краеведение, частично в культурологию (что обусловлено реальной представленностью фольклора в самой Европе и ее осмыслением культур «заморских стран»). Этот предмет обозначается и как *устная литература*, и как *народная культура*, что помимо всего прочего отражает разные исследовательские аспекты (филологические или

культурологические) действительно синкретического явления. В российской же (и советской) науке издавна существовало устойчивое дисциплинарное разграничение «фольклора» (под которым понимались почти исключительно вербальные тексты) и «этнографии» (двумя компонентами которой были «материальная» и «духовная» культуры; к последней относились народные верования, обычаи и обыкновения, народное искусство и т.д.). Синкретический предмет оказывался таким образом как бы разрезанным «по живому»: скажем, быличка в качестве устного текста находилась в компетенции фольклориста, в то время как составляющие ее основу народные демонологические представления уже являлись предметом изучения этнографа. При этом, напомним, имелись в виду прежде всего архаические, сельские, патриархальные традиции с их прочно сложившимися и отчетливыми формами бытования.

Однако за последние десять-пятнадцать лет это разграничение «предметного поля» гуманитарной науки в значительной степени оказалось нарушенным. Изменения объектов и методов фольклористики, влекущие за собой появление новой «научной парадигмы», стали ощутимы во второй половине 80-х годов: тогда, собственно, для отечественной фольклористики и закончился «не календарный — настоящий Двадцатый Век». Вектор этих изменений обозначился уже достаточно отчетливо и, по крайней мере в ближайшие годы, его направленность скорее всего сохранится. Кратко обозначим их.

Во-первых, синкретический характер устных традиций (словесный текст — музыкальная форма — обрядовый или ритуализованный бытовой контекст) предполагает синтез знаний в этой области, лежащей на пересечении филологических, этнографических, искусствоведческих исследований; соответственно, и изучаться данный предмет должен как междисциплинарный. Об этой междисциплинарности много пишется, однако нельзя сказать, чтобы был достигнут хотя бы достаточный уровень взаимопонимания, например, между фольклористом-филологом и этномузыковедом, не говоря уж о реальных междисциплинарных (а не просто комплексных) исследованиях.

Во-вторых, появляются новые ракурсы рассмотрения устных традиций; соответственно, в центре внимания оказывается не текст в качестве «имманентной структуры» (как в предыдущие десятилетия), а предтекстовые формы, интертекстуальные и контекстные отношения. Происходит «антропологизация» фольклористики, в качестве аналитического инструментария привлекаются приемы и методы сопредельных дисциплин. Методологические приобретения последнего времени (в теории коммуникаций, социологии, психологии, когнитологии и др.) позволяют усовершенствовать аналитический инструментарий в этой междисциплинарной области гуманитарного знания. Они сделали возможным комплексное обсуждение проблем, относящихся как к имманентной структуре культурных текстов, так и к прагматике и контекстам подобных традиций. Сравнительно-исторический, структурно-типологический и семиотический аспекты рассмотрения материала должны дополнять друг друга, демонстрируя многомерность результатов научного анализа.

В-третьих, в число объектов фольклористики включаются продукты современной, преимущественно урбанистической «спонтанной» культуры, недавно возникшие или просто ранее не замеченные наукой. Под «спонтанными» здесь понимаются культуры, объединенные следующими признаками: несанкционированность сверху, незлитарность, самопроизвольность зарождения и развития, принадлежность (как правило) к непрофессиональной сфере и преимущественно устный тип бытования; этот пласт «неофициальной» синкретической городской (и не только городской) культуры также далеко не всегда подпадает под привычные понятия «фольклор» и «этнография». Еще одной малоизученной областью остается «наивная литература», которая представляет собой весьма значительный массив в «низовой» письменной словесности; в текстах подобной «литературной самодеятельности» зачастую осуществляется и культурное самоопределение провинции. Освоение новой предметной зоны сдвинуло старые дисциплинарные границы и практически легитимизировало эту ранее не существовавшую область гуманитарного знания, материалы которой подлежат изучению в аспектах структурном, функциональном и коммуникативном. Исследование всего этого нового для науки материала опять-таки требует новых методологических приемов. В свою очередь данные занятия сами способствуют созданию адекватного материалу инструментария научного анализа.

Наконец, где-то на пороге — еще более новое и уж совсем неизученное явление, которое обозначается термином *интернетлор* (*internetlore*), т.е. тексты, живущие в Интернете и парадоксальным образом воспроизводящие некоторые качества устной традиции (главным образом, речь идет об их пластичности, легкости отделения от автора / обладателя, о соотношении текста-памяти и текста-манифестации и т.д.). Здесь навыки фольклористики могли бы оказаться в высшей

степени востребованными. Готова ли она, еще не вполне освоившаяся даже с ситуацией постфольклора, ответить на этот запрос времени?

Литература

Богатырев, Якобсон, 1971 – Богатырев П.Г., Якобсон Р.О. Фольклор как особая форма творчества // Богатырев П.Г. Вопросы теории народного искусства. – М., 1971 [1-е изд.: Bogatyrev P., Jakobson R. Die Folklore als besondere Form des Schaffens // Verzameling van opstellen door ond-leerlingen en bevriende vakgenooten opgedragen aan mgr. Prof. Dr. Jos. Schrijnen (Donum Natalicum Schrijnen). – Nijmegen Utrecht, 1929; 2-е испр. изд.: Jakobson R. Selected Writings. T. IV. Slavic Epic Studies. – The Hague Paris, 1966].

Ламанский, 1890 – Ламанский В.И. От редактора // Живая Старина. Вып. I. – СПб.: Изд. Имп. РГО, 1890

Мелетинский, 1973 – Мелетинский Е.М. Сравнительная типология фольклора: историческая и структурная // Philologica. Памяти акад. В.М.Жирмунского. – Л.: Наука, 1973.

Народное хозяйство, 1987 – Народное хозяйство СССР за 60 лет. – М., 1987.

Население, 1988 – Население СССР. – М., 1988.

Неклюдов, 1995 – Неклюдов С.Ю. После фольклора // Живая старина, 1995, № 1.

Неклюдов, 2004 – Неклюдов С.Ю. Самобытность и универсальность в народной культуре (к постановке проблемы) // Геопанорама русской культуры: Провинция и ее локальные тексты. Отв. ред. Л.О.Зайонц. Сост. В.В.Абашев, А.Ф.Белоусов, Т.В.Цивьян. – М.: Языки славянской культуры, 2004.

Прокофьев, 1983 — Прокофьев В.Н. О трех уровнях художественной культуры Нового и Новейшего времени (к проблеме примитива в изобразительных искусствах) // Примитив и его место в художественной культуре Нового и Новейшего времени. – М., 1983.

Пропп, 1928 – Пропп В.Я. Морфология сказки. – Л.: Academia, 1928 (Вопросы поэтики. Вып. XII. [Гос. ин-т истории искусств, Отдел словесных искусств]).

Пушкарев, 1980 – Пушкарев Л.Н. Сказка о Еруслане Лазаревиче. – М., 1980.

Скафтымов, 1924 – Скафтымов А.П. Поэтика и генезис былин. – М.; Саратов, 1924.

Топорков и др., 2002 – Рукописи, которых не было: Подделки в области славянского фольклора. Изд. подгот. А.Л.Топорков, Т.Г.Иванова, Л.Н.Лаптева, Е.Е.Левкиевская. – М.: Ладомир, 2002.

Чистов, 1995 – Чистов К.В. Фольклор в культурологическом аспекте // Гуманитарий. Ежегодник Петербургской гуманитарной академии. – СПб., 1995. – № 1